

ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОГО ПОСЕТИТЕЛЯ ГЕРЦЕНА

Сообщение В. А. Черных

Сохранилось немало мемуарных свидетельств современников о их встречах и беседах с Герценом. Дневниковыми же записями посетителей Герцена мы почти не располагаем. Это обстоятельство должно было бы привлечь особое внимание исследователей к одному интересному документу из «Собрания воспоминаний и дневников» в ЦГАЛИ* — дневнику неизвестного лица, подробно, день за днем рассказывающего о своей поездке из Одессы к Герцену в Лондон, а затем во Францию и Италию (конец 1858 г.). Однако этого не случилось, и дневник пролежал в архивах почти полвека, всеми забытый. Именно забытый, поскольку назвать его совсем неизвестным нельзя.

В том же архиве** сохранилась переписка, проливающая некоторый свет на историю дневника. Он был приобретен Литературным музеем в январе 1934 г. у ленинградца С. Г. Романова. Из переписки директора музея В. Д. Бонч-Бруевича с Романовым видно, что Бонч-Бруевичу сообщил об этом дневнике известный ленинградский литературовед Д. П. Якубович. Видно также, что Бонч-Бруевич намеревался опубликовать дневник в «Летописях» Литературного музея с комментариями Романова, который снял для себя копию с дневника и пытался установить личность его автора.

В книге поступлений Литературного музея имеется краткая запись от 17 января 1934 г. под № 1601: «Приобретен дневник неизвестного со сведениями о Герцене. 1858 год. у С. Г. Романова». Однако в каталоге «Герцен, Огарев и их окружение», изданном Литературным музеем в 1940 г., этот дневник упомянут не был и затерялся среди массы неатрибутированных материалов, переданных в 1941 г. из музея в созданный тогда Центральный государственный литературный архив.

При описании «Собрания воспоминаний и дневников» в первые послевоенные годы дневник был охарактеризован очень глухо, без раскрытия его содержания. Имя Герцена в описи упомянуто не было. В результате дневник на долгие годы выпал из поля зрения исследователей-герценоведов. Лишь в 1977 г., при усовершенствовании описи «Собрания воспоминаний и дневников». Е. И. Лямкина обратила внимание на этот дневник и отметила в описи, что в нем говорится о Герцене.

Дневник представляет собой тетрадь обычного формата в черном картонном тисненном переплете. Посредине первого листа написано: «Дневник». Остальные шестьдесят восемь листов исписаны полностью с обеих сторон мелким и беглым, но довольно разборчивым почерком, чернилами, почти без помарок и исправлений. По-видимому, это перебеленный автором текст путевых записок.

На обоих форзацах переплета одинаковая помета выцветшими чернилами: Р4ч. Можно полагать, что это шифр какой-то, скорее всего личной, библиотеки.

* * *

Дневник начинается записью:

«1858 года 15/27 октября, продолжение.— Стамбул с своим миллионом жителей за нами. Два часа еще после снятия с якоря Константинополь рисовался перед нами, наконец скрылся за Принцевы острова и только показывал нам Сераскир-башню».

Эта запись свидетельствует, в частности, о том, что дошедшей до нас тетради дневника предшествовала по меньшей мере еще одна тетрадь, нам не известная.

* Ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 339.

** Фонд Государственного литературного музея, № 612, оп. 1, ед. хр. 1933.

Из дальнейших записей, которые велись аккуратно каждый день, становится ясно, что автор дневника плывет на пароходе «Колхида» из Одессы в Марсель. Упоминается капитан парохода Григорий Антонович Кутитонский (автор называет его по-военному «командиром»), члены экипажа и пассажиры. Эти сведения легко поддаются проверке. В газете «Одесский вестник», № 114, от 11 октября 1858 г. помещено следующее объявление: «11-го сего октября пароход Русского общества пароходства и торговли «Колхида», капитан Кутитонский, отойдет в Марсель». В следующем номере газеты, от 14 октября, сообщается: «Отправились: пароход Русского общества «Колхида», капитан Кутитонский, в Марсель с грузом хлеба и 55 пассажирами».

Автор путешествует с сестрой Сашей, вместе с ними едут Дмитрий Степанович Акимов с женой (урожденной Кумани), Дмитрий Степанович Витвицкий, доктор Савичевский и агент Русского общества пароходства и торговли в Триесте Павлов.

27 октября * «Колхида» бросает якорь в Никомидии, на следующий день проходит Дарданеллы, 31 октября останавливается в Смирне (Измире), 4 ноября прибывает в Пирей. Автор подробно описывает достопримечательности турецких и греческих портовых городов, быт населения. Особенно подробно, со знанием дела, описываются крепости и пушки. Невольно возникает мысль — не артиллерист ли он? Мельком касается автор и политических событий. В Смирне «кирпичные казармы в стиле Никола́» напоминают ему «матушку Россию, стенающую под казарменным гнетом ныне царствующего дома». «Захотелось мне вернуться на родину, — записывает он дальше, — захотелось увидеть всех близких моему сердцу, и увидеть именно в церкви, — какое странное желание во мне, неверующем?!»

В тот же вечер 31 октября автор делает знаменательную запись: «Акимовы предлагают нам съездить из Марселя вместе в Париж, я поблагодарил. Я-таки непременно хотел побывать в Париже, но теперь у меня созрел план обширнее. Теперь я могу очень легко оставить Сашу на руках Акимовых, а сам поеду в Лондон, познакомлюсь с бойцом за свободу, с милым А. Герценом, куплю его книги и возвращусь обратно в Париж, откуда уже вместе поеду в Марсель».

Запись 2 ноября заканчивается словами: «В 9 часов разошлись мы по каютам, а я писать кое-что для Герцена».

Перед прибытием в Пирей на «Колхиде» сломался винт. Капитан Кутитонский предложил всем пассажирам пересесть на французский пароход, но автор дневника упросил капитана оставить его с Шурой на «Колхиде». Остались и супруги Акимовы.

В день прибытия «Колхиды» в Пирей ее посетил русский посол в Афинах А. П. Озеров вместе со старшим секретарем посольства А. Г. Кумани — братом Акимовой. На следующий день (5 ноября) на борту «Колхиды» был дан торжественный обед, на котором наряду с русским послом присутствовали греческий министр иностранных дел и другие официальные лица **. Подробно описав этот обед, автор дневника замечает: «Как уехали все эти орангутанги, так и легче стало».

В тот же вечер «Колхида» отправилась дальше. На следующий день в дневнике появилась тревожная запись: «Вчера вечером я узнал, что Нелидов, второй секретарь, говорил о моей поездке в Лондон и о том, что я хочу видеть Герцена; я узнал также, что ему сказала m-me Акимов, при которой я говорил о моем плане. Я ужасно взбесился и сказал ей, что я прошу забывать о мне, когда она говорит с кем-нибудь. За жену вступился муж, но я ему объявил, чтобы он посоветовал когда быть осторожней».

По-видимому, Нелидов не донес об этом по начальству, что позволило автору дневника благополучно съездить в Лондон, а нас лишило возможности установить его имя по документам III Отделения.

9 ноября «Колхида» пришла в Мессину. Автор описывает встречу с офицерами русского военного фрегата «Полкан», незадолго до того прибывшего в Мессину с рейда Рагузы (Дубровника), где он простоял около трех месяцев с орудиями, наведенными на город, демонстративно поддерживая восставших черногорцев.

10—13 ноября «Колхида» при жестоком шторме проходила вдоль побережья Италии. Автор записал в дневнике: «Акимовы давно помирились со мной, но я не хочу оставлять с ними Сашу мою, пусть и она увидит Лондон с его Хрустальным дворцом и прочими чудесами. К тому же Акимовы еще не решили наверное, едут или нет, а я решил уже тотчас по приезде в Марсель поехать в Париж, а оттол в Лондон».

* Даты здесь и далее приводятся по новому стилю. — *Ред.*

** Это событие нашло отражение в официальном «Отчете Русского общества пароходства и торговли за 1858 г.» (СПб., 1859, с. 7).

ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬМИ НАТАЛЬЕЙ И ОЛЬГОЙ

Фотография. Лондон, конец 1850-х гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

14 ноября «Колхида» пришла в Марсель. Не теряя ни минуты, автор собирается в дальнейший путь. «Жалко офицеров,— записывает он,— но пора сказать «Колхиде» прости (< . . .) Перед отъездом **моим** с «Колхиды» приехал туда наш генеральный консул Бухарин, я его попросил визировать **мне** паспорт в Лондон, просил, боясь затруднений, ибо паспорт мне дан в Германию и Италию. Бухарин обещал сделать все, что нужно».

Два дня в Марселе ушли на визирование паспорта, получение денег в банке, осмотр города, посещение театра и казино. Внимательно присматривается автор к быту простого народа и приходит к такому выводу: «Нет, долго и очень долго придется ждать нашему бедному труженику, долго еще он не сравняется с своим западным братом!»

16 ноября автор вместе с сестрой выезжает в Париж и пересаживается там с поезда на поезд; 19 ноября он прибывает в Лондон. На пароходе при переезде через Па-де-Кале у него открылось кровохарканье. На следующий день он записывает: «В 10 часов поехал я к Трюбнеру, отобрал книги, взял адрес Герцена и, взяв с собой комиссионера, поехал в Патне. В Патне надо ехать по железной дороге, оно в трех милях от Лондона; это очень живописное маленькое местечко. Герцена не было дома, и я видел только его дочерей, одной около тринадцати, другой около пяти лет. М-ме Огарева вышла ко мне и, подтвердив слова старшей дочери Герцена, сказала, что Герцена теперь нет, но что завтра около трех часов он будет дома и будет крайне до-содовать, если не увидится со мной. Я обещал быть завтра».

Название небольшого городка в окрестностях Лондона, где с сентября 1856 г. до конца ноября 1858 г. жил Герцен, — Putney; автор со слуха транскрибировал *Пáтне*. Герцен называл и писал *Путней*. Это написание принято и в современной советской литературе о Герцене.

Возраст старшей дочери Герцена — Таты — автор определил довольно точно, а в отношении младшей — Ольги — сильно ошибся: как раз в день его визита ей исполнилось восемь лет.

Н. А. Огарева предложила автору встретиться с Герценом в обычные приемные часы. 18 сентября 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Количество русских таково, что я, наконец, должен был назначить два дня в неделю: *среду* и *воскр(есе)нье* в три часа — для любезных незнакомцев» (XXVI, 208). 20 ноября 1858 г. была суббота.

Все эти мелкие подробности свидетельствуют, с одной стороны, о достоверности сведений, сообщаемых автором дневника, с другой — о их непосредственности, неоткорректированности данными, которые можно было бы почерпнуть из позднейшей литературы о Герцене.

Вечером 20 ноября автор посещает музей восковых фигур, оставляя в дневнике подробное его описание. На следующее утро он осматривает Сити, храм св. Павла, стоящий на приколе огромный пароход «Левиафан». «„Левиафан“, — записывает он, — может вместить десять тысяч войска с артиллерией и кавалерией; замечательно, что строитель его, не зная, что с ним делать, предлагал русской компании пароходства и торговли купить его. Хорошо бы ходил „Левиафан“ между Одессой и Херсоном!» Затем он посещает в Гринвиче инвалидный дом для моряков.

«Около трех часов вернулись мы в Лондон, и я поскакал на железную дорогу, спеша в Патне. Герцен встретил меня с распростертыми объятиями, долго говорили мы о России, о Александре II.

Лондонские либералы наши в восторге от государя и говорят, что дозволю он вольное книгопечатание, то просили бы позволения возвратиться на родину и прекратили бы пропаганду.

Огарев премилый и любезный человек, Чернецкий — секретарь Герцена, я с ним мало говорил.

Между прочим, я советовал Герцену завести отдельную типографию в Генуе либо где-нибудь на линии нашего пароходного сообщения, дабы легче снабжать Россию книгами.

Я доказал, что если цель Герцена — успех пропаганды, то типография или хотя склад книг вблизи границы крайне полезен.

Герцен ухватился за мою мысль, хочет завтра же переговорить с Трюбнером и устроить сначала склад в Генуе, подвинуть его еще ближе, устроить впоследствии отделение «Колокола» в Константинополе и на берегах Финляндии либо в Швеции, если в Финляндии запретят. Это будет очень умно, ибо главный приток книг в Россию идет через пароходы.

Около семи часов я начал прощаться, ибо хотел сегодня же ехать; климат Лондона мне ужасно вреден. Герцен упросил остаться еще хоть на час, и я уступил.

Россия, Америка, Франция, Англия — все были на сцене, обо всем мы переговаривали.

Вдруг звонок, входит доктор королевцы, он зашел к Герцену на полчаса, и добрый хозяин просил его осмотреть меня. Долго слушал врач мою грудь, долго смотрел и сказал прямо и решительно: «У вас чахотки нет, но, однако, за весну нельзя ручаться, вы можете и умереть и уцелеть. Одно средство есть жить вам, это остаться навсегда в Италии, доктора же не помогут!»

— Bravo! спасибо, доктор, — закричал Герцен, — мы устроим больного в Италии.

Доктор ушел, и Герцен начал просить меня остаться в Генуе заведовать отделением «Колокола» с жалованием три тысячи рублей серебром. Я от души благодарил его, удивлялся, как он предлагает мне такой пост, почти не зная.

— Как не зная? — перебил меня Герцен. — Мы знакомы уже пять часов, а в эти пять часов переговаривали столько, сколько и в пять лет трудно переговорить, — это раз; во-вторых, статьи ваши, оставленные вчера, будут служить украшением «Колокола».

— Ну, это слишком! — сказал я. — Благодарю вас, но о предложении надо подумать... Впрочем, нет, решительно отказываюсь, решительно и положительно.

— И слушать не хотим, — ответили Герцен и Огарев, — лучше подумайте. Мы будем ждать хоть год. А как надумаетесь, известите нас, а сами прямо поезжайте в Геную, мы же всегда будем вам рады.

Я оставил свой адрес, Герцен — три своих, и мы простились, сильно обнявшись и прослежившись даже.

Славные люди! Особенно Герцен, я влюблен в него.

Герцен провожал до ворот, еще раз крепко поцеловал и сказал:

— Пишите же к нам, чужим мы вас не считаем, даже и хорошим знакомым нет, вы наш родной по всему.

Не поеду сегодня, мне досадно, что не сказал Герцену, что, может, останусь. Он хотел приехать ко мне в Лондон — впрочем, завтра Хрустальный дворец».

Эта дневниковая запись о посещении автором Герцена 21 ноября нуждается в комментарии. Осень 1858 г., когда автор дневника встретился с Герценом, была периодом «апогея» в деятельности Вольной русской типографии и вместе с тем временем значительных либеральных колебаний Герцена, надежд на Александра II как освободителя крестьян в ближайшем будущем.

В л. 27 «Колокола» от 1 ноября 1858 г. Герцен поместил свое «Письмо к императрице Марии Александровне». В том же листе «Колокола» была напечатана статья «Нас упрекают», в которой Герцен писал:

«Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно.

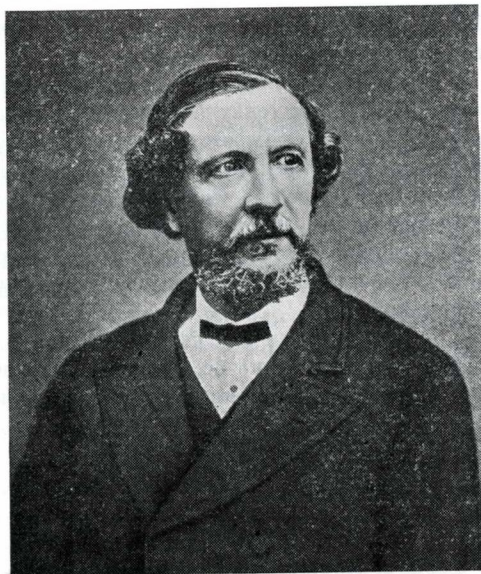
Нас упрекают свирепо красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян» (XIII, 361).

Мысль о распространении «Колокола» и других своих изданий через итальянские портовые города возникла у Герцена задолго до посещения его автором дневника. Так, 15 февраля 1857 г. Герцен писал в Геную итальянскому революционеру Л. Пьянчани: «Вы могли бы оказать истинно дружескую услугу мне и услугу делу. Моему книгопродавцу сообщают, что в Ницце большой спрос на русские книги, однако Висконти ничего мне не написал; нельзя ли заинтересовать редакцию какой-либо дружественной газеты для содействия продаже книг? (<...>) Я говорил об этом здесь с нашими общими друзьями и готов отправить один ящик, предоставив в распоряжение редакции, то есть в пользу дела, доход. Для второго ящика я сделаю скидку в 40 %, однако не возьму на себя дорожных расходов» (XXVI, 73—74) *. Насколько известно, Генуя ни в то время, ни позже не стала значительным пунктом транспортировки изданий Герцена в Россию.

Упомянутый в дневнике «доктор королев», по всей вероятности, не кто иной, как французский политический эмигрант А. Девиль, домашний врач Герцена, имевший большую практику в Лондоне (см. о нем в разделе «Герцен и Франция»). Может быть, Герцен в разговоре с автором дневника назвал его в шутку «лейб-медиком», т. е. своим «лейб-медиком», а тот считал его лейб-медиком королевы Виктории.

Существенный интерес представляет вопрос о том, какие статьи автора дневника могли, по мнению Герцена, «служить украшением «Колокола»». Учитывая, что постоянным местом жительства (или местом службы) автора был Херсон (это становится ясно из дальнейшего текста дневника), а незадолго до того он, вероятно, был офицером-артиллеристом, можно высказать предположение, что речь здесь идет о трех небольших заметках: «Предостережение», «Правда ли, что в инкерманском сражении...» (XIII, 449) и «Еще раз корнелевское „qu'il mourût!“» (XIV, 60), напечатанных в л. 29 и 32-33 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. и 1 января 1859 г. Судя по стилю, все эти три заметки написаны (или по крайней мере отредактированы) Герценом, но в основу их положены сообщения лица, которым вполне мог быть автор цитируемого дневника.

Осматривая на следующий день после визита к Герцену Хрустальный дворец и памятник участникам сражения под Инкерманом, автор записал: «Памятник Инкерманского сражения, где на пьедестале пушки, бомбы и ядра, красуется на видном месте. Должно полагать, что гордый Альбион забыл первый период боя, до подкрепления, приведенного Боске!» Возможно, автор сам

НИКОЛАУС ТРЮБНЕР

Фотография

Из книги: «Trübner's American, European and Oriental Library Record. New Series», v. 5, N 3-4.

London, 1884

* Перевод цитируется здесь с необходимыми уточнениями. — *Ред.*

был участником этого боя 5 ноября 1854 г., начавшегося успешно для русских, но окончившегося тяжелым поражением.

Вечером 22 ноября 1858 г. автор дневника выехал из Лондона в Париж, записав на прощание: «Пора, холод гонит да боль груди не дает и любоваться спокойно <...> В Лондоне вольнее дышишь, чувствуешь, что заехал в страну цивилизованную и свободную, никто не спросит ни паспорта, ни кто вы, ни зачем приехали. Лондон есть столица и резиденция либералов, он гостеприимно собирает все уцелевшие осколки революций и не боится волнений. Народ свободен, пока ему ничего больше не надо!»

23 ноября автор вместе с сестрой Сашей приезжает в Париж и с удовлетворением отмечает в дневнике: «Книги все, благодаря холоду, провезли благополучно, а везу я много и себе, и колхидским».

Ночью, при переезде через Па-де-Кале, автор сочинил стихи и записал их в своем дневнике. Стихи эти совершенно беспомощны в поэтическом отношении, однако в них содержатся автобиографические сведения, поэтому придется их здесь частично воспроизвести:

Чрез окошечко каюты
Смотрит месяц на меня.
Не теряя ни минуты,
Спрошу, Настя, про тебя:

«Месяц дивный, месяц ясный,
Что ты видишь с высоты?
На восток ли сладострастный
Иль в Россию смотришь ты?»
.....

Сильно верил в теток, в деда,
Думал: «Эти за меня!»
Чуть коснулось до дела,
Не поверили в меня.

Киев бросил я родимый,
С тем, чтоб больше не видеть,
И на юг, судьбой гонимый,
Поскакал «прости» сказать.

Здесь с улыбкою прелестной
Катя встретила меня,
Звали все ее невестой,
Но... другого! Счастлив я?!
<.....>

Как лавина, с гор скатившись,
Говорит: «Пути конец!»,
Так и Настенька, явившись,
Отняла из рук венец.
<.....>

Пистолеты я забросил,
Порох, пули — в стороне;
Но мне жаль, что свет не бросил,
Скучно, грустно, тяжело мне!

Мне жениться невозможно.
Средства малы. Нечем жить.
Бросив родину, жить можно,
Но в изгнание жизнь влачить

Для нее бы было тяжело...
Нет! Довольно мне страдать!
Погрустит она, бедняжка,
Да и влюбится опять!

В Париже автор на этот раз прожил пять дней. Осмотрев в Версальском дворце картины, изображающие события Крымской войны, он записывает: «Сердце обливается кровью, и желчь приливает, видя позор наш увековеченным».

«В Париже везде чувствуешь чисто самодержавье,— пишет он два дня спустя.— Всюду жандармы, полисмены, аресты, запрещенье журналов, ссылки. Ох, уж эти владыки, владыки! Доживут они до великой беды. Мне мнится, что не один из них последует за Людовиком XVI, и как им уроки впрок не идут?!

Целью своей жизни Наполеон III сделал упрочить свою династию на престоле, лишить французов возможности предпринять третью революцию; бывший шулер забыл, что тронем своим он обязан второй революции!»

«...Прекрасные мостовые Наполеон III заменил прескверными шоссе, из чистого Парижа сделал он грязный город, по которому невозможно ходить, как в наших уездных городишках: отчего же он сделал это? Все от того же! Из больших камней прежних мостовых друзья свободы очень скоро воздвигали батареи, разбирая мостовые» (л. 46).

«Воздвигали батареи» — это, возможно, описка. Автор, по всей видимости, хотел сказать «баррикады». Причем описка характерная, возможно вновь обличающая в авторе артиллериста.

Далее автор отмечает, что при постройке новых бульваров, пересекающих Париж, «ничего не падали, ни национальных памятников, ни седи́н старины, ни права собственности, ни неприкосновенности гробов. Все топчет Бонапарт, и французы молчат!

„Передняя нашла своего барина“ *, — сказал Герцен; это как нельзя больше идет к Франции».

Подводя итог парижским впечатлениям, автор пишет: «Николай был благороднее Наполеона III, он прямо говорил то, что делает, а этот делает вопиющие вещи, поражает самовластием и пишет: „Свобода!“ — потеха просто».

28 ноября автор покинул Париж и к вечеру следующего дня вернулся в Марсель. «Я поскакал в порт. Колхидским очень обрадовался. Акимовы спят по обыкновению. Кутитовский в восторге, что я благополучно провез лондонские книги».

1 декабря он записывает: «Обедали на „Колхиде“. Там же обедал русский путешественник доктор Бажановский; он говорит, что слышал от кого-то из русских во Флоренции, что я там проведу зиму, — странно! Кто бы это мог знать там?»

Вместе с Бажановским автор осматривает Марсель и его окрестности, а затем отправляется в Ниццу. «Еще раз простился с колхидскими, — пишет он 5 декабря, — вручил Витвицкому книги мои и Сашины платья; хорошо, если он доставит все это в Херсон благополучно, как обещает».

Проведя две ночи в дилижансе, автор вместе с сестрой рано утром 7 декабря приехал в Ниццу, принадлежавшую в то время Пьемонту (Сардинскому королевству). В дороге один из спутников настойчиво упрасивал автора... перевести его в русскую армию!

«Просьбы его сместили меня, но он со слезами на глазах просил, чтобы я не смеялся, клялся, что он не шутит. При прощании, давая мне свой адрес, обещал писать мне во Флоренцию, напоминая о своей просьбе, — чудак».

Кем же был или кем представлялся наш путешественник, если к нему могли обращаться с подобными просьбами?

В Ницце было жарко. Автор записывает, что ему пришлось снять фуфайку, «неизменную спутницу мою с самого дня отъезда из Херсона». Очередное упоминание о Херсоне вновь убеждает нас, что постоянным местом жительства (или службы) автора был, по всей вероятности, именно этот губернский город. Однако изучение состава губернских служащих (по «Адрес-календарю»), а также просмотр объявлений о «выезжающих за границу», публиковавшихся в «Херсонских губернских ведомостях» и в «Одесском вестнике», не помогли установить личность автора дневника.

8 декабря он посетил в Ницце оперу и записал в дневнике: «Константин с хорошенькой жонкой приехал в театр поздно, и его встретили народным гимном, что ему очень не понравилось, ибо он живет здесь как частный человек, занимая этаж в отеле „Виктория“ <...> Адмирал наш живет в отеле, а виллу „Александровка“ занимает Строганов с Марьей Николаевной».

Генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич в это время инспектировал русскую военную флотилию, стоявшую в Виллафранке, неподалеку от Ниццы. Граф Г. А. Строганов (сын новороссийского генерал-губернатора) со своей женой — великой княгиней Марией Николаевной (президентом Академии художеств, дочерью Николая I) — проводили зимний сезон в Ницце.

Порядки в Пьемонте нравятся автору значительно больше, чем в наполеоновской Франции. «Король Пьемонта умный и справедливый, — записывает он. — Он понял потребность века, увидел неестественное положение угнетенных народов и дал свободу своему народу. Здесь ни цензуры, ни тайной полиции, ни жандармов, ни <крепостных> крестьян, ни управителей с их бичами и батогами, ни воров-чиновников, ни дураков-сенаторов — ничего нет!»

12 декабря автор встретил в театре знакомых офицеров с фрегата «Полкан», стоящего в Виллафранке. В тот же вечер он побывал на «Полкане»: «Моряки угощали нас чаем, ржаным хлебом русским и истощались в любезности».

«Виллафранка, — записывает он далее, — хороший порт в одном часу езды от Ниццы, там пять наших военных судов. Цель покупки этого порта неизвестна, официально говорят, что для русской компании, но на самом деле, кажется, что-то затевают против Австрии с Сардинией и Францией заодно».

Сардиния (Пьемонт) и Франция в это время действительно готовились к войне с Австрией. Война вспыхнула четыре месяца спустя, однако Россия ни в этой войне, ни в подготовке к ней участия не принимала.

«Русских собралось много, — читаем мы дальше. — Знать поехала на корабль, представляться великому князю, а наш брат — на фрегат. На „Полкане“, кроме меня и Саши, было до двадцати русских, между ними Мафусаил <18> 25 г. князь Волконский, проживший тридцать один год в снегах Сибири. Я с умилением смотрел на этого интересного старца.

Заботливость князя о маленьком внуке своем показывает, что холод Сибири не охладил его нежного сердца.

Вчера я один пошел смотреть „Риголетто“. Волконский вошел после меня и, попросив своего соседа переменить места, уселся рядом со мной <...> Я все время говорил с князем о Сибири, Николае, нынешних реформах etc. Беседуя, коснулись мы Англии, и я сказал, что был в Лондоне.

— Аааа! значит видели? — сказал лаконически Волконский.

— Еще бы! — ответил я, и мы, засмеявшись, пожали друг другу руки, увидя, что одного поля ягоды.

Видно, тридцать один год в Сибири не мог переменить взгляды на вещи князя Волконского, и он в моих глазах еще более выиграл. Волконский сказал мне, что письмо в 29-м номере „Колокола“, написанное против Герцена, принадлежит <Б. Н.> Чичерину, другу Константина. Между прочим, Волконский пенял на несоединение русских за границей, и я ему объявил, что если бы не уезжать скоро, то постарался бы вместе с ним устроить клуб русских, это было бы оригинально и мило. А в Ницце подобная мысль очень осуществима, здесь около ста русских семейств, выключая свиту великого князя. Хотелось бы пожить еще здесь, но надо осмотреть Италию, пользуясь тишиною моря, а там, может, и вернусь сюда, кто знает?!

Написал своим, Оресту и Герцену».

Эта запись о встрече автора дневника в Ницце со старым декабристом князем С. Г. Волконским, пожалуй, не менее интересна, чем запись о беседе с Герценом. Мы узнаем, что Волконский, вернувшийся в 1855 г. из Сибири по амнистии и впервые в конце 1858 г. приехавший в Европу, уже в этот период внимательно и благожелательно следил за деятельностью Герцена и даже был осведомлен о том, кто является автором статьи в л. 29 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. Известные до настоящего времени сведения о контактах Герцена и Огарева с Волконским относятся к значительно более позднему времени — весне 1861 г. (см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 102—106).

Прожив в Ницце десять дней, автор дневника 16 декабря уехал в Геную. Через два дня туда же пришла «Колхида», и он снова перебрался на пароход. «Кутитонский с братией обрадовался нам, — записывает он 18 декабря. — Рассказам и расспросам не было конца. С негодованием я выслушал рассказ об осмотре „Колхиды“ Константином. Вчера утром на раззолоченном ялике он подъехал к пароходу. Кутитонский и строитель „Колхиды“ капитан-лейтенант Вейс встретили его.

— У тебя погончики должны быть желтые, — сказал сын Николая (обращаясь к Кутитонскому), а у тебя (обращаясь к Вейсу) — белые!

Озадаченный Кутитонский хотел сказать, что более занимался службой, чем погончиками, но осторожный Вейс, перебив его, сказал: „Живя за границей, мы не имеем, ваше высочество, возможности получать своевременно приказы“.

— Ну, циркуляры мои давно вышли об этих изменениях, — сказал Константин. — А это что? — отнесся он к командиру парохода, показывая на выстроенную команду, которая ждала приветствия, ибо привыкла к нему и при Николае!

— Это команда парохода, ваше высочество, — ответил Кутитонский.

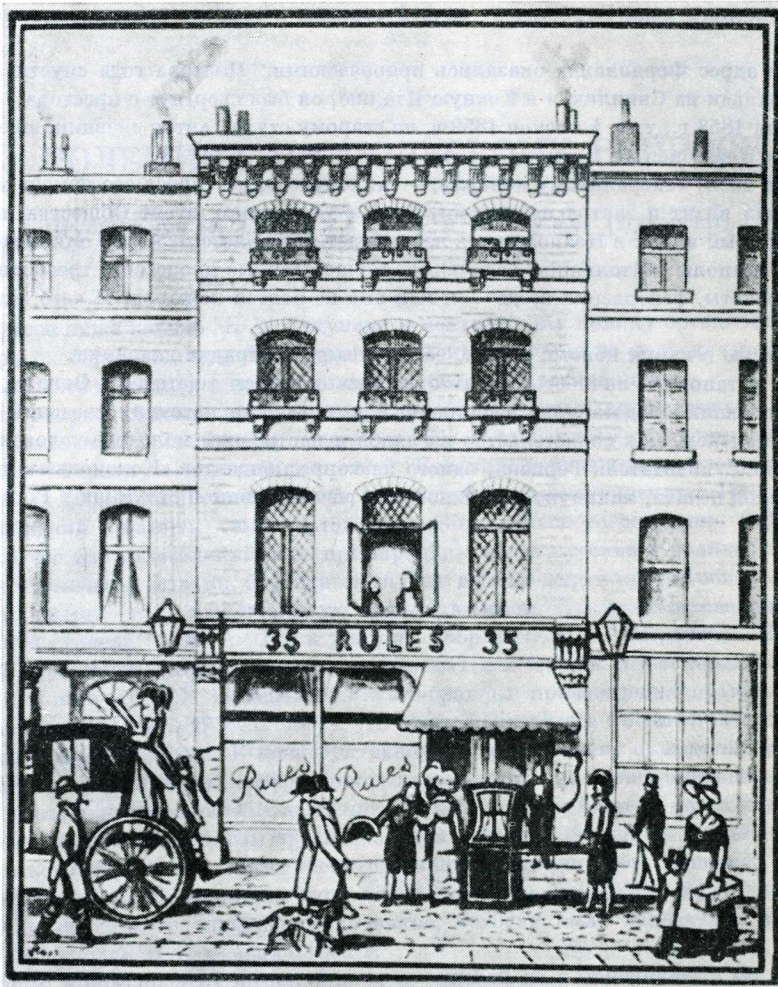
— Как?! Что же это такое? — сказал внук Павла, показывая на синие штаны.

— Это форма Компании, ваше высочество, — сказал, чуть не рассмеявшись, умный Кутитонский.

— Эээ! Штаны должны быть серые, да и кушаков красных не должно быть; мы им наклеим такой нос! вот такой! — показал генерал-адмирал, пристав(ив) две руки к царственному носу!»

«По-моему, Константин более всех братьев сын Николая, — заключает эту красочную сцену автор дневника, — а либерализм его подделан, и подделан с целью; этот человек — самый опасный враг Александра, самый опасный враг России!»

Этот рассказ об осмотре «Колхиды» великим князем Константином Николаевичем почти текстуально совпадает с заметкой, напечатанной в л. 37 «Колокола» от 1 марта 1858 г. (XIV, 74). По всей вероятности, материалом для заметки послужило сообщение, присланное Герцену автором дневника.

ЛОНДОНСКИЙ РЕСТОРАН «RULES»

В списке почетных посетителей ресторана значится Герцен

Репродукция со старинной гравюры

Архив «Литературного наследства». Москва

19 декабря он отплыл из Генуи на борту «Колхиды» и 23 декабря записал в дневнике: «Вот тебе и на! Ехал в Ливорно, а попал в Мессину, ну что я буду делать здесь? Дело скверное. По выходе из Генуи я слег, на другой день был без чувств. Савичевский остановил начинавшуюся горячку, но на берег в Ливорно меня не хотели отпустить. Кутитонский, Акимовы и Саха пристали, как с ножом к горлу: „Да останьтесь на „Колхиде“! Да поезжайте в Мессину, да оттуда же ближе в Неаполь, да вам нельзя съехать! Да будет хуже!“

„Да отстаньте! — сказал я. — Ну, останусь, коли хотите все“, — и остался на свою пагубу.

„Колхида“, бросив меня в Мессине, ушла на родину, и я остался одинок, без возможности скоро достичь Неаполя, ибо пароход идет только через четыре дня...».

В Мессине автор провел целую неделю, познакомился там с агентом Русского общества пароходства и торговли Сотовым и капитаном парохода «Дон» Гайсом.

«Население Неаполитанского королевства, — пишет он 25 декабря, — состоит из трех четвертей духовенства и нищих, т. е. из трех четвертей дармоедов <...> Буря собирается и разразится страшным взрывом, в котором, наверное, ни один из Фердинандов не уцелеет!!!»

«Ах уж этот Фердинанд, Фердинанд! — записывает он на следующий день. — Доживет он до плохого! Все вооружены против него, и нар од, и правительство, и народы! <...> Как не унич-

тожить ненавистного рода Бурбонов — друзей реакции и врагов свободы, прогресса, счастья подданных!»

Угрозы в адрес Фердинанда оказались пророческими. Полтора года спустя, в результате похода Гарибальди на Сицилию и в Южную Италию, он был свергнут с престола.

20 декабря 1858 г., т. е. 1 января 1859 г. по старому стилю, автор дневника вместе с сестрой Сашей добрался наконец до Неаполя.

«Я сделал визит генеральному консулу, — записывает он, — прося его помочь мне советами, он тотчас отдал визит и завтра познакомит меня с Соломоном (агент Общества пароходства и торговли), который живет в Неаполе пять лет и будет мне полезен». Автор описывает далее свои прогулки по Неаполю: «Итальянцы беснуются, торжественные процессии, трескотня, выстрелы, взлетающие ракеты, фейерверки везде — и как они не боятся пожаров? И чего ждут от Нового года?»

Этой записью в канун нового, 1859 г. заканчивается тетрадка дневника.

Попытки установить личность его автора пока остаются тщетными. Однако, и оставаясь анонимным, дневник представляет несомненный интерес как источник сведений о Герцене и кн. С. Г. Волконском, как свидетельство взглядов и настроений молодого человека, участника Крымской войны, почитателя Герцена, одного из корреспондентов «Колокола» в период апогея Вольной русской печати, накануне возникновения революционной ситуации в России.